

По материалам исследовательской работы «Петербургские встречи Марины Цветаевой»²

В 2017 году, 8 октября, исполнилось 125 лет со дня рождения Марины Ивановны Цветаевой. Марина Цветаева, московский поэт, была редкой гостьей Петербурга (именно так она называла город в своих воспоминаниях), однако всегда ощущала незримую связь с петербургским литературным кругом. Приезд Цветаевой зимой 1916 года особенно запомнился ей и оказал значительное влияние на её дальнейшие жизнь и творчество. В сердце поэта Петербург оставил яркие, незабываемые воспоминания о людях, встречах и об удивительной атмосфере литературного общества того времени. Через двадцать лет эти воспоминания были запечатлены в очерке «Нездешний вечер».

Самым «цветаевским» местом в нашем городе оказался неприметный, на первый взгляд, Сапёрный переулок – настоящий музеем под открытым небом, посвящённый Марине Цветаевой.

---

¹ **Косоротикова Александра Романовна** родилась в Петербурге. Студентка 2 курса филологического факультета СПбГУ (направление – отечественная филология). Член ЛИТО «Молодой Петербург» при СПбО СПР, выпускница литературного клуба «Дерзание» СПбГДТЮ. Лауреат ряда петербургских конкурсов, лауреат Международного конкурса «Звезда Прометея» в номинации «Наука» (2017), победитель Санкт-Петербургского конкурса НИР по словесности, МХК и истории (2017), призёр III Всероссийской студенческой научной конференции «Ноябрьские чтения» секции «История культуры и искусства, источниковедение» (2017) и др. Живёт в Санкт-Петербурге.

² Работа опирается на личные дневники, записи Марины Цветаевой в рабочих тетрадях, наброски писем в книгах из серии «Неизданное», очерк М. Цветаевой «Нездешний вечер», книги Ариадны Эфрон «О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери», Анны Саакянц «Жизнь и творчество Марины Цветаевой», Виталия Шенталинского «Преступление без наказания: документальные повести», факсимильное издание «Марина Цветаева. Красная тетрадь», архивные документы ЦГАЛИ и Пушкинского дома ИРЛИ РАН и т.д.

Литературный салон Каннегисеров

В доме № 10 по Сапёрному переулку в квартире № 5 жила семья коллежского советника Иоакима Самуиловича Каннегисера. Здание доходного дома построено в 1838 году архитектором А.П. Гемилианом для майора Мельникова. В 1900–1901 годах оно было перестроено инженером А.Н. Веретенниковым для Н.В. Тиран. Этот дом бежевого цвета, возведенный в стиле неоклассицизма, можно назвать одним из самых заметных на Сапёрном переулке, как с архитектурной, так и с исторической точки зрения. Именно здесь происходят события, проникновенно описанные поэтом в очерке «Нездешний вечер». Сейчас мы можем видеть этот дом таким же, каким увидела его Цветаева, когда прибыла в Петербург вместе со своей подругой Софьей Парнок по приглашению Софии Исааковны Чацкиной, издательницы журнала «Северные записки». Архитектурное убранство этого дома отличается строгой торжественностью, умеренным количеством декоративных деталей. Необычно оформление окон первого этажа: они словно обрамлены рамами из картонных элементов. Фасад в небольших промежутках между ними обработан под горную пещеру. Симметричность и уравновешенность композиции достигается благодаря двум эркерам. На втором этаже над окнами длинной чередой идут одинаковые треугольные сандрики³. Выше, на следующем этаже – затейливые лепные украшения. Самая примечательная деталь в архитектурном оформлении этого дома – купол, завершающий композицию.

Глядя на этот дом, представляешь, как вьюжным зимним вечером, окутавшим Петербург снежным туманом, Цветаева стоит у дома на Сапёрном, озябая, поднимается по лестнице к квартире номер 5. Мне удалось попасть в парадную этого дома и увидеть дверь квартиры, в которой жила семья Канне-

Сапёрный пер., д. 10

³ Сандрик – декоративный архитектурный элемент, небольшой карниз, часто с фронтоном, над окном, дверью или нишей. *Прим. ред.*

гисеров. Внимание привлекают широкая лестница, перила которой поддерживают тёмно-зелёные декоративно оформленные балясины, ромбовидный узор каменной плитки на лестничных площадках. Глядя на деревянную входную дверь квартиры № 5, ощущаешь атмосферу прошлого, связь с историей.

Цветаева приехала в Петербург в конце декабря 1915 года и встретила новый 1916 год именно здесь. Стихотворение «Даны мне были и голос любимый...» было написано уже в Петербурге, о чём свидетельствует подпись: «Петербург, 31-ое декабря 1915 года». Каким же увидела Петербург Цветаева, поэт Москвы? «Над Петербургом стояла вьюга. Именно – стояла: как кружащийся волчок – или кружащийся ребёнок – или пожар. Белая сила – уносила. Унесла она из памяти и улицу, и дом, а меня донесла – поставила и оставила – прямо посреди залы – размеров вокзальных, бальных, музейных, сновиденных». Так Цветаева очутилась в «зале» литературного салона Каннегисеров, одного из самых знаменитых петербургских литературных салонов того времени. Вся семья Каннегисеров (Иоаким Самуилович, его жена Роза Львовна, сыновья Сергей и Леонид, дочь Елизавета) была очень хорошо известна в культурных кругах Петербурга. По вечерам в доме на Сапёрном собирались представители деловой элиты страны, а также известные петербургские поэты и писатели. На один из таких вечеров в январе 1916 года, где был весь литературный Петербург, за исключением А. Блока, А. Ахматовой и Н. Гумилёва, попала Марина Цветаева.

Точная дата вечера в доме Каннегисеров неизвестна, однако в письме к Анне Тесковой от 19 марта 1936 года Марина Цветаева, вспоминая поэта Михаила Кузмина, пишет: «Я его встретила раз – в первых числах, а м.б. и 1-го января 1916 года – последнего года старой России».

С Михаилом Кузминым, поэтом и композитором, завсегда-тем литературного кафе «Бродячая собака», Марина Цветаева познакомилась как раз в тот вечер. Он был первым, кого Цветаева увидела в «зале» у Каннегисеров. Кузмин произвел на неё сильное впечатление: Цветаеву особенно поразили его огромные, необыкновенные глаза, которые она описывает в «Нездешнем вечере»: «Глаза были – здесь. Передо мной стоял – Кузмин. Глаза – и больше ничего. Глаза – и всё остальное. Этого остального было мало: почти ничего».

В 1921 году Цветаева пишет письмо Кузмину, где образно и живо описывает адресату две её встречи с ним, «как со-

вершенно постороннему»: первую – петербургскую в 1916 году и вторую – духовную в 1921, под влиянием которой и написано письмо. Вторая встреча – это встреча с книгой Михаила Кузмина «Нездешние вечера» в Лавке писателей в Москве. Точно какую-то незримую связь почувствовала Цветаева с поэтом. В той книге она увидела стихи, в которых были отражены темы, близкие ей самой, в частности кантату Кузмина «Святой Георгий» (Цветаева в это же время работала над циклом «Георгий»): «Открываю: копьём в сердце: Георгий! Белый Георгий! Мой Георгий, которого пишу два месяца: житие. Ревность и радость. .... Открываю дальше: Пушкин: мой! Всё то, что вечно говорю о нём – я. И наконец Goethe, тот, о котором говорю, судя современность: Перед лицом Goethe».

Письмо послужило основой очерка «Нездешний вечер», посвящённого памяти поэта, написанного после его смерти в 1936 году. Само название произведение получило именно благодаря встрече Цветаевой с книгой Кузмина «Нездешние вечера».

В 1921 году вместе с письмом Цветаева отсылает Кузмину стихотворение «Два зарева! – нет, зеркалá».

Два зарева! – нет, зеркалá!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два чёрных круга.

То, что Цветаева пишет малознакомому человеку, с которым виделась один раз в жизни, так, будто знала его долгие годы, кажется, на первый взгляд, странным. Однако Цветаева придавала особенное значение эпистолярной дружбе, которая нередко «заменяла ей личное общение». Она с трепетом относилась к письмам; в них она вкладывала «высокую творческую взыскательность к начертанному слову, к сформулированной мысли», как вспоминает её дочь Ариадна Эфрон.

Описывая свой приезд в Петербург в письме к Кузмину, Марина Ивановна вспоминает свои прогулки по заснеженному городу: «Я дружила тогда с семьей Каннегисеров... Они мне показывали Петербург. Но я близорука – и был такой мороз – и в Петербурге так много памятников – и сани так быстро летели – всё слилось, только и осталось от Петербурга, что стихи Пушкина и Ахматовой». Из этого же письма мы можем заключить, что Цветаеву на литературный вечер привёл Леонид Каннегисер: «Голос Леонида: – М. И., Вы готовы? Я, без колебания: – Сию секунду!». Возможно, он зашёл за ней на квартиру к своей тёте С.И. Чацки-

ной по адресу Сапёрный переулок, дом № 21, где Цветаева оставилась с Софьей Парнок на время пребывания в Петербурге. Это можно предположить по тому, как она называет Чацкину в «Нездешнем вечере» – «моя милейшая хозяйка».

Молодые хозяева – братья Каннегисеры по-разному восприняты Мариной Цветаевой: «Лёня – поэт, Серёжа – путешественник, и дружу я с Серёжей. Лёня – поэтичен, Серёжа – нет...».

Рассказы путешественника Сергея она противопоставляет поэтичности Леонида, которая осталась Цветаевой непонятной. «Лёня для меня слишком хрупок, нежен... цветок. Старинный томик “Медного всадника” держит в руке – как цветок, слегка оставив руку – саму, как цветок. Что можно сделать такими руками?». Тогда Цветаева даже представить не могла, на что способен этот юноша: «Как я ничего не поняла в этом эстетике, как этой внешности – поверила». Впоследствии Леонида Каннегисера узнают, как убийцу наркома внутренних дел Северной области, председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого. «Человек в революции, он не мог осмыслить революции, – пишет В. Шенталинский о Каннегисере. – Волны событий тащили и опережали его, и он не был способен постигнуть их истинного смысла и масштаба». Позже Цветаева говорит о Леониде: «Лицо историческое и даже роковое». Причиной убийства, которое состоялось 30 августа 1918 года, послужило опубликование списка из 21 расстрелянного, в числе которых – близкий приятель Леонида Владимир Перельцевейг, и тот факт, что постановление о расстреле было подписано Урицким и Иосилевичем. Всё это «потрясло Леонида сильнейшим образом», по словам его отца И.С. Каннегисера. Леонид Каннегисер был расстрелян в один из дней от 18 сентября и до 1 октября 1918 года.

А пока, в канун революции, дом Каннегисеров – один из известнейших литературных салонов в Петербурге.

«Везде куда меня приводили огромные мраморные каминные, – целые дубовые рожи сгорали! – и белые медведи на полу... и у всех молодых людей проборы – и томики Пушкина в руках...», – вспоминает Марина Цветаева. Петербург, который увидела Цветаева, – это город поэзии, в котором царит музыка стихов: «О, как там любят стихи!.. Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько там, за две недели».

Цветаевой, поэту Москвы, хотелось показать этому городу себя, Москву, что жила в её душе. Тогда она особенно ощущала свою отличность от петербургской литературной среды – свою

«московскость». «Читал весь Петербург и одна Москва», – ёмко замечает она в «Нездешнем вечере».

Также на этом вечере особенно запомнился Цветаевой Сергей Есенин: «Есенин читает Марфу Посадницу, принятую Горьким в “Летопись” и запрещенную цензурой... Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим..., это оперное “Отоприте! Отоприте!” – этот – это написал? – почувствовал? (С Есениным я никогда не переставала этому удивляться)».

Тот вечер, оставшийся навсегда в сердце поэта, украшали стихи Каннегисера, Есенина, Мандельштама, многих других петербургских поэтов, собиравшихся вечерами в доме на Сапёрном и, безусловно, Цветаевой. Здесь Марина Цветаева прочла «весь свой стихотворный 1915 год» и многие другие стихи. На вечере она с триумфом продекламировала свою «Германию». Стихи Цветаевой в Петербурге были поняты и приняты. В тот вечер они поразили многих, ей единодушно кричали «Браво!».

В этот же вечер в доме Каннегисеров произошла встреча Цветаевой с Осипом Мандельштамом. Цветаева и Мандельштам впервые встретились ещё летом 1915 года в Коктебеле, но настоящее их знакомство произошло именно в Петербурге. И какая-то искра зажглась между ними. Они много разговаривали, читали друг другу свои стихи. Мандельштам подарил Цветаевой свою книгу стихов, второе издание сборника «Камень». Сохранился шмуцтитул с надписью (сама книга не уцелела): «Марине Цветаевой – камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург, 10 янв<аря>. 1916». В рукописном отделе Пушкинского дома находится разрешение М. Лозинского на постановку марки издательства «Гиперборей» на второе издание сборника «Камень», а также рукопись девяти стихотворений Мандельштама, пять из которых вошли в этот сборник.

20 января Цветаева вернулась в Москву. Мандельштам был увлечён ею, поехал за ней. Они гуляли по улицам Москвы, ходили вместе на литературные вечера. Визит длился недолго, 5 февраля Мандельштам уезжает обратно в Петербург. Она писала о расставании с ним:

Никто ничего не отнял!
Мне радостно, что мы врозь.
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих вёрст.

Затем Мандельштам снова приезжал в Москву и возвращался назад в Петербург. И так он метался между двумя городами, даже

подумывая о том, чтобы остаться в Москве. Из дневниковых записей и переписки приятеля Мандельштама С. П. Каблукова видно, что он активно хлопотал для него о месте служащего в Москве. Их общая знакомая М.Р. Сегалова пишет ему о Мандельштаме 18 апреля 1916 г: «Если он так часто ездит из Москвы в Петербург и обратно, то не возьмёт ли он место и там, и здесь? Или он уже служит на Николаевской железной дороге? Не человек, а самолёт».

Вспоминая позже это время, Марина Цветаева так описывает приезды Мандельштама к ней в Москву весной 1916 года: «...Никогда не забуду, в какую ярость меня однажды этой весной привёл один человек – поэт, прелестное существо, я его очень любила! – проходивший со мной по Кремлю и, не глядя на Москву-реку и соборы, безостановочно говоривший со мной обо мне же. Я сказала: “Неужели Вы не понимаете, что небо – поднимите голову и посмотрите! – в тысячу раз больше меня, неужели Вы думаете, что я в такой день могу думать о Вашей любви, о чьей бы то ни было. Я даже о себе не думаю, а, кажется, себя люблю!».

Позднее, в 1921 году накануне Пасхи, она вспоминает: «Пасха 1916 г. – с Мандельштамом у Нечаянной Радости...». В её записной книжке 1923 года содержится описание той Пасхи: «Спас на Бору, Нечаянная Радость, “пятисоборный несравненный круг”, ту синюю церковку с 5-ым куполком за Москвой-рекой, фабрику Эйнем (обожает шоколад), все четыре сквера Храма Христа, сам Храм, если хочет, 4 орлов у памятника Александру III и Царя Освободителя, если радуется освобождению, ту, мою аллею, где слева сопровождают главы Кремля... – и всё Замоскворечье – и все мощи – и все звоны – калиновые и малиновые – издариваюсь». От всего сердца она дарила Мандельштаму Москву – «издаривалась»:

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.
По церковке – всё сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

.....

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

31 марта 1916 г.

Жена поэта Надежда Мандельштам писала: «Дружба с Цветаевой, по-моему, сыграла огромную роль в жизни и в работе

Мандельштама (для него жизнь и работа равнозначны). Это и был мост, по которому он перешёл из одного периода в другой... Цветаева, подарив ему свою дружбу и Москву, как-то расколдовала Мандельштама. Это был чудесный дар, потому что с одним Петербургом, без Москвы, нет вольного дыхания, нет настоящего чувства России...».

Увлечения поэтов друг другом, их встречи оставили след в их творчестве, запечатлелись прекрасными стихами. Цветаевой посвящено три стихотворения Мандельштама, «несколько холодных великолепий о Москве», как она назвала их в письме к Пастернаку 1925 года: «В разноголосице девического хора», «На розвальнях, уложенных соломой», «Не веря воскресенья чуду». В свою очередь Цветаева посвятила Мандельштаму 11 стихотворений. Поэты не проставляли посвящений друг другу на стихах. В фонде «Книги» музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится сборник стихов Мандельштама «Tristia» 1922 года. Уникальность этого экземпляра состоит в том, что Анна Ахматова своей рукой вписала адресатов стихотворений. Так у стихотворения «Не веря воскресенья чуду...» на странице 22 стоит помета: «М. Ц.».

В этом же фонде можно увидеть экземпляр сборника Марины Цветаевой «Вёрсты» 1922 года, на страницах которого среди многочисленных важных помет, сделанных рукой Цветаевой, проставлено посвящение Осипу Мандельштаму у стихотворений «Никто ничего не отнял...», «Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь голову», «Откуда такая нежность?..», «Гибель от женщины. Вот знак...», «Приключилась с ним странная хворь...», «Из рук моих – нерукотворный град...», «Мимо ночных башен...», «Разлетелось в серебряные дребезги...».

На «нездешнем» вечере, помимо встреч, были и своеобразные «невстречи» – «невстречи» с поэтами, незримое присутствие которых Цветаева чувствовала в Петербурге: с Анной Ахматовой и Александром Блоком. Приехав в Петербург, Марина Цветаева мечтала увидеть Анну Ахматову. Но этой мечте не суждено было сбыться в 1916 году. В это время Анны Ахматовой не было в Петербурге. Как пишет Анна Саакянц, Ахматова «хворала и жила в Царском Селе». 15 января 1916 г. литературовед Б.М. Эйхенбаум в письме к Л.Я. Гуревич сообщал: «На Рождестве я побывал в Царском Селе – у Ахматовой и Гумилёва. Какая она хорошая, глубокая – больна».

На литературном вечере в доме Каннегисеров Цветаева постоянно ощущала атмосферу, в которой царила Ахматова: «Ясно

чувствую, что читаю от лица Москвы и что этим лицом в грязь – не ударю... Всем своим существом чую напряжённое – неизбежное – при каждой моей строке – сравнение нас (а в ком и – сравливание): не только Ахматовой и меня, а петербургской поэзии и московской, Петербурга и Москвы».

Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой – Петербург, моя – Москва.

Несмотря на это ощущение «соревнования» Цветаева не противопоставляет себя Ахматовой, а обращается к ней: «...читаю не против Ахматовой, а – к Ахматовой. Читаю, – как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова. Читаю для отсутствующей Ахматовой». Цветаевой хотелось «подарить Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, преклонить перед Ахматовой, поклониться ей самой», что она и сделала в июне 1916 года, написав цикл стихотворений, посвящённых ей.

В певучем граде моём купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий,
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – И сердце своё в придачу.

Творческая переключка двух поэтов продолжалась всю их жизнь. Отношения между Цветаевой и Ахматовой нельзя однозначно назвать дружескими, но какая-то связующая нить существовала между ними. Несостоявшаяся встреча с Ахматовой послужила основанием для переписки, которой Цветаева придавала большое значение. Цветаева не только сама пишет Ахматовой, но и её маленькая дочка Аля посылает свои стихи и трогательно делится своими впечатлениями о стихах Ахматовой. Аля – к Ахматовой от 17 марта 1921 года: «Дорогая Анна Андреевна! Читаю Ваши стихи “Чётки” и “Белую стаю”. Моя любимая вещь, тот длинный стих о царевиче. Это также прекрасно, как Андерсеновская русалочка, также запоминается и ранит – навек». Цветаева высылает в подарок Ахматовой две иконки; Аля пишет: «Деревянная иконка от меня, а маленькая весёлая – от Марины». Приписка от Марины Цветаевой: «Аля каждый вечер молится – “Пошли Господи царствия небесного Андерсену и Пушкину и царствия земного – Анне Ахматовой”». Ахматова отвечает: «Дорогая Марина Ивановна, благодарю Вас за добрую память обо мне и за иконки. Ваше письмо застало меня в минуту величайшей усталости, так

что мне трудно собраться с мыслями, чтобы подробно ответить Вам... Книга моих последних стихов выходит на днях, я пришлю ее Вам и Вашей чудесной Але... Желаю Вам и дальше дружбы с Музой и бодрости духа, и, хотите, будем надеяться, что мы всё-таки когда-нибудь встретимся. Целую Вас. Ваша Ахматова».

Ариадна Эфрон вспоминает, что Цветаева «...была человеком открытым, общительным, отзывчивым на любой окликающий её голос – не тянувшимся, а рвавшимся к людям; отсюда – обилие явных и сокровенных посвящений лирических её стихов, вдохновлённых встречами и разлуками, отсюда – богатство и разнообразие её эпистолярного наследия». В письмах к «близким и далёким друзьям – истинным или мнимым» она вкладывала «страстную, жизнеутверждающую, действенную силу, что и в личные отношения с людьми...». Цветаева пишет в наброске к письму Б. Пастернаку от 1925 года: «Впрочем, это моя судьба: я всегда получала меньше, чем давала: от Блока – ни строки, от Ахматовой – телефонный звонок, который не дошёл и стороннюю весть, что всегда носит мои стихи при себе в сумочке...». Ахматова отрицала то, что носила при себе стихи Цветаевой.

Единственная встреча Анны Ахматовой и Марины Цветаевой состоялась 7 – 8 июня 1941 года в Москве. Они провели вместе два дня: были в театре, «разговаривали, читали и слушали стихи», как вспоминала Ахматова при встрече с Ариадной Эфрон. Н. И. Харджиев, в гостях у которого на второй день встречи были Ахматова и Цветаева, сравнивая внешнее впечатление от обеих, говорит о Цветаевой: «Она была нервна, угловата, замучена, чем и контрастировала с тоже несчастной, нищей, бездомной, опасющейся слезки, но неизменно царственной и гармоничной “Музой плача”. Словом встретились две разные породы, две разные сущности, и произошло неизбежное взаимное отталкивание».

Цветаева подарила Ахматовой старинные чётки, как утверждала Ахматова, священные для верующих мусульман, которые были лишь у тех, кто побывал на могиле Пророка. Сохранилась деревянная бусинка из этих чёток – сейчас она находится в фонде «Декоративно-прикладное искусство и предметы быта» в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Бусинка была подарена музею А.П. Сухомлиновой, которая получила её в подарок от Анны Ахматовой.

Незадолго до встречи Ахматовой уже было написано стихотворение «Невидимка, двойник, пересмешник...» (16 марта 1940), посвящённое Марине Цветаевой. « Ей я не решилась прочесть, –

сказала она Л.К. Чуковской в 1956 году. – А теперь жалею. Она столько стихов посвятила мне. Это был бы ответ, хоть и через десятилетия. Но я не решилась из-за страшной строки о любимых». У Цветаевой уже были арестованы дочь Ариадна (27.08.1939) и муж Сергей Эфрон (10.10.1939).

Поздний ответ

М. Цветаевой

Белорученька моя, чернокнижница...
Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в чёрных кустах,
То забьёшься в дырявый скворечник,
То мелькнёшь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом».
Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идём,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны,
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

16 марта 1940. Фонтанный Дом

Своеобразие отношений Ахматовой и Цветаевой определила Ариадна Эфрон: «Марина Цветаева была безмерна, Анна Ахматова – гармонична; отсюда разница их (творческого) отношения друг к другу. Безмерность одной принимала (и любила) гармоничность другой, ну, а гармоничность не способна воспринимать безмерность...».

Заканчивая свои воспоминания о Петербурге в «Нездешнем вечере», Цветаева пишет: «Начало января 1916 года, начало последнего старого мира. Разгар войны. Тёмные силы. Сидели и читали стихи. Последние стихи на последних шкурах у последних каминов... Завтра же Серёжа и Лёня кончали жизнь... Но сегодня вечер был наш! Пир во время Чумы? Да».

В канун революции в обществе царили атмосфера надвигающейся катастрофы, тревога и ощущение неизбежности перемен.

Стихи были в то время необходимым источником жизненных сил. «В самые тяжкие годы России она стала похожа на соловьиный сад, – говорил Андрей Белый, – поэтов народилось как никогда раньше: жить сил не хватает, а все запели».

Многих участников «нездешнего» вечера ждала трагическая судьба: Леонид Каннегисер будет расстрелян по делу об убийстве Моисея Урицкого, его брат, Сергей, по невыясненным обстоятельствам окончит жизнь самоубийством: «И – все заплатили. Серёжа и Лёня – жизнью, Гумилёв – жизнью, Есенин – жизнью, Кузмин, Ахматова, я – пожизненным заключением в себе, в этой крепости – вернее Петропавловской».

Дом издателей журнала «Северные Записки»

К 140-летию со дня рождения С.Л. Чацкиной

Дом № 21 по Сапёрному переулку – дом издателей литературного и общественно-политического журнала «Северные записки» – Софии Исааковны Чацкиной и Якова Львовича Сакера. Информация о доме в справочнике «Архитекторы-строители Петербурга 18 – начала 19 века» отсутствует, соответственно год постройки и архитектор неизвестны. В адресной и справочной книге «Весь Петроград на 1916 год» в IV разделе улиц города Петрограда и его пригородов указано, что дом № 21 по Сапёрному переулку принадлежит Любавиной Марии Ивановне.

Сапёрный пер., д. 21

Неприметное, скромное здание в стиле эклектика бледно-жёлтого цвета не блещет особой роскошью, отличается простотой, однако нельзя назвать его внешнее убранство скудным. Эта изящная простота привлекает наше внимание. Примечательны лепные плафоны и сандрики на втором этаже. В глаза бросаются два необычно оформленных окна эркера на третьем этаже. Они будто соединены лепной лентой, завязанной на узел.

Цветаева не смогла остаться на вечере в доме Каннегисеров до конца, ей пришлось уйти раньше, поскольку, как она написала в очерке, она спешила к редакторше журнала «Северные записки» Софье Исааковне Чацкиной: «А мне, кажется, пора домой, потому что больна моя милейшая хозяйка, редакторша “Северных Записок”, которая и выводит меня в свет: сначала на свет страниц журналов (первого, в котором я печатаюсь), а сейчас – на свет этих люстр и лиц».

Попробуем представить внутреннее убранство этого дома и царившую там атмосферу, опираясь на описания Цветаевой в «Нездешнем вечере»: «Дом “Северных записок” был дивный дом: сплошной нездешний вечер. Стены книг, с только по верхам приметными тёмно-синими дорожками обоев, точно вырезанными из ночного неба, белые медведи на полу, день и ночь камин, и день, и ночь стихи, особенно – “ночь”. Два часа. Звонок по телефону: “К вам не поздно?” – “Конечно, нет! Мы как раз читаем стихи”. Это “как раз” было – всегда».

Об издателях журнала у поэта остались самые тёплые воспоминания: «Софья Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, так полюбившие мои стихи, полюбившие и принявшие меня как родную, подарившие мне три тома Афанасьевских сказок и двух рыжих лисиц (одну – лежащую круговую, другую – стоячую: гонораров я не хотела) – и духи *Jasmin de Corse* – почтить мою любовь к Корсиканцу, – возившие меня в Петербурге на острова, в Москве к цыганам, все минуты нашей совместности меня праздновавшие...». Марина Цветаева отказывалась получать деньги за публикацию своих стихов в журнале, и Чацкина и Сакер расплачивались с ней подарками и своим гостеприимством.

Раньше Марина Цветаева никогда не публиковалась в журналах. Хотя к этому времени она выпустила уже два сборника, Цветаева вспоминает: «Читатель меня не знал, п.ч. после двух первых – самонапечатанных, без издательства – детских книг – из-за той же литературной оторванности и собственной особенности: ненавидела напр. стихи в журналах – нигде не печаталась. Первые стихи в журнале – в Северных записках, п.ч. очень просили и очень понравились издатели, – в порядке дружбы. Сразу слава среди поэтов». Она отдала в «Северные записки» несколько своих стихотворений лишь по настоянию своей подруги Софии Парнок, которая была активной сотрудницей журнала: печатала свои стихи, вела литературно-критический раздел, выступала в качестве критика под псевдонимом Андрей Полянин.

Софья Парнок (первое и третье фото) и Марина Цветаева

София Парнок вела литературную летопись словесности в «Северных записках». Она отмечала у современных поэтов искусное владение рифмой, ритмом и стилем, говорила о «бессилии созидającego духа», об отсутствии «адекватности выражений и выражаемого». В произведениях многих лириков она не находит «духа поэта, то есть совокупности души и ума». Одной из целей совместной поездки Цветаевой и Парнок в Петербург было личное знакомство с издателями-редакторами «Северных записок».

В Петербурге Парнок не удалось побывать на вечере в литературном салоне Каннегисеров из-за плохого самочувствия. На самом деле, в тот вечер Цветаева торопилась именно к больной Софии Парнок, однако в очерке она пощадит её память и напишет, что спешила к издателям «Северных записок». После поездки в Петербург зимой 1916 года, в феврале отношения с С. Парнок обрываются. Цветаева сожалела, что ушла раньше с литературного вечера Каннегисеров, так как спешила к больной Софии.

В 1932 году Цветаева напишет эссе «Письмо к Амазонке», которое будет посвящено памяти С. Парнок. Письмо обращено к автору книги «Мысли Амазонки», вышедшей в Париже в 1918 году – Натальи Барни. Барни была известна в модернистских кругах Парижа как хозяйка изысканного и влиятельнейшего литературного салона. Кроме того, она была знаменита своим почитанием творчества древнегреческой поэтессы Сафо и приверженностью её идеалам. Эссе «Письмо к Амазонке» написано на французском языке, рукопись датирована ноябрём – декабрём 1932, дорабатывалась в 1934 году. Вероятно, что эссе было написано Цветаевой как долг памяти С.Я. Парнок после известия о её смерти в 1933 году. Текст эссе содержится в «Красной тетради» – факсимильном издании 2013 года Пушкинского дома ИРЛИ РАН, рабочей тетради Марины Цветаевой с записями периода с 1931 по 1933 годы, когда она

жила во Франции. В тетради Цветаева работала как на русском, так и на французском языках. Кроме факсимильного воспроизведения тетради (цветная сканированная копия) впервые полностью расшифровано все её содержимое; все французские записи переведены на русский язык. В Россию тетрадь передал французский славист и историк литературы Жорж Нива, которому её вручил М.Л. Слоним. Она досталась последнему перед возвратом Цветаевой на родину. Это один из последних документов, с которыми появилась возможность ознакомиться, чтобы увидеть, как кропотливо и скрупулезно работала Цветаева над текстами, в том числе и прозаическими. М.А. Слоним пишет о «Красной тетради»: «Те, кто упрекал Цветаеву в поэтическом буйстве и словесном неистовстве, вероятно, не подозревали, как много она работала над своими стихами, как тщательно выбирала, по многу раз переделывала – и целые строфы, и отдельные выражения. Она не раз повторяла, что любит “вгрызаться в слово, вылущить его ядро, доискиваться до корня”, и она придавала огромное значение ремеслу, недаром “ремеслом” назвала один из своих сборников».

К моменту приезда в Петербург Цветаева уже публиковалась при содействии С. Парнок в двух номерах «Северных записок» за 1915 год. В «Нездешнем вечере» Цветаева вспоминает, как отзывался о её стихах Михаил Кузмин при встрече: «Мы все читали ваши стихи в “Северных записках”... Это была такая радость. Когда видишь новое имя, думаешь: ещё стихи, вообще стихи, устное изложение чувств. И большею частью – чужих. Или слова – чужие. А тут сразу, с первой строчки – своё, сила. “Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!”. И это мы почувствовали – все».

Журнал выходил с января 1913 года по январь 1917 года. Адрес головной конторы – Загородный проспект, д. 21 (указан в справочной адресной книге «Весь Петроград на 1916 год»). Журнал заявлял о себе как о литературном, научном и политическом ежемесячнике. Среди обилия изданий, выходивших в России в 1910-е годы, «Северные записки» занимают заметное место и по составу авторов, и по широте рассматриваемой проблематики, и по своеобразию занимаемой позиции. В них публиковались литературные произведения, литературно-критические, философские, искусствоведческие и публицистические статьи. Время, когда издавался журнал, было переломным для России. Для молодого поколения было характерно осознание необходимости «смены курса», жажда перемен, предчувствие «новых бурь».

Софья Исааковна Чацкина (1878–1931) – лицо, известное среди культурной публики Петрограда. Издательница журнала «Северные Записки», держательница литературного салона, выведившая в свет многие молодые дарования того времени. «Нервная, изящная женщина... с виду тишайшая, но внутренне горячая», – так видел её философ Фёдор Степун. В рукописном отделе Пушкинского дома хранятся письма С.И. Чацкиной. Когда читаешь строки её писем, перед глазами встаёт образ духовно сильной, уверенной, энергичной женщины. В письме к писателю А.С. Новикову-Прибою от 20 января 1914 года Чацкина пишет: «Успех плохих журналов меня не удивляет – плохое, т.е. шаблонное всегда имеет успех; серьёзному журналу, ищущему свои продуманные пути гораздо труднее пробиться, но мы пробьёмся, в этом я уверена. P.S. Подписка, впрочем, идёт хорошо. Крепко жму Вашу руку. С. Чацкина».

После поездки в Петербург упрочнится связь Цветаевой с «Северными записками». Её произведения всё чаще будут появляться на страницах журнала в 1916 году. Кроме того, в «Северных записках» печатается её перевод с французского романа Графини Де-Ноайль «Новое упование». Роман был напечатан в четырёх номерах журнала – за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1916 года. В «Перечне выполненных работ и счетах сотрудникам и авторам Московского отделения окт. 1918 – дек. 1919» издательства «Всемирная Литература» в ЦГАЛИ имеется запись о выплате гонорара за перевод этого романа.

Триумфальной публикацией цикла «Стихи о Москве» Марины Цветаевой в январе 1917 года завершается история журнала, этот номер станет последним. Георгий Адамович вспоминал, как был воспринят выход этого цикла: «Я помню впечатление, которое они произвели – особенно в Петербурге. Может быть, в этом сыграло роль уже начавшееся тогда соперничество двух городов, – кому быть, кому не быть столицей. В Петербурге очень болезненно все ощутили тогда “конец стоит императорского периода” – независимо от политических симпатий и чувств, конечно, – и с ревнивой опаской поглядывали на Москву. Над цветаяевским циклом петербургские поэты “ахнули” – над прелестью, над неожиданностью её Москвы».

Был последний вернисаж последней выставки “Мира Искусства”, на Марсовом Поле, у Добычиной. Книжка журнала, только что появившаяся, ходила по рукам, и я до сих пор вижу Анну Ахматову, с несколько удивлённым одобрением читающую вполголоса:

Мне же вольный сон,
Колокольный звон,
Зори ранние,
На Ваганькове...».

Цветаева в 1931 году так пишет о своих публикациях в «Северных записках»: «До широкого круга не дошло, п.ч. журнал был новый – и скоро кончился. Всё скоро кончилось».

В ЦГАЛИ СПб хранится письмо, даже скорее записка С. Чацкиной, адресованная Михаилу Кузмину. Оно не имеет даты, но можно предположить, что написано в период после революционных событий 1917 и до 1920 года, когда С. Чацкина переезжает в Москву. Записка написана на небольшом оборванном листе бумаге, сложенном вчетверо, без издательского штампа. Хотелось бы привести её текст: «Дорогой Михаил Алексеевич, у меня нет и в помине 300 р. – могу Вам дать 120; тогда у меня останется 60 (возможно 40, (неразборчиво – А. К.), остаться совсем без денег очень трудно, потому что мне не здоровится в последнее время. Как только дела мои устроятся, срочно поделюсь с Вами, чем смогу, сейчас мне самой туго приходится; сердиться и в голову не приходит, я и сама часто бываю голодна и знаю, как это тяжко. Ваша С. Чацкина».

«...послезавтра уже Софья Исааковна Чацкина бродила по Москве, как тень, ища приюта, и коченела – она, которой всех каминов было мало, у московских привиденских печек», – пишет Марина Цветаева, заканчивая «Нездешний вечер».

Дом А.Я. Трупчинской (Эфрон)

Ещё один петербургский адрес, связанный с именем Марины Цветаевой, – дом № 13 по Сапёрному переулку. В 1916 году в этом доме жила Анна Яковлевна Трупчинская (урождённая Эфрон), старшая сестра Сергея Яковлевича Эфрона, мужа Марины Цветаевой, с супругом Александром Владимировичем Трупчинским и двумя маленькими дочерьми.

Доходный дом С.Ф. Англареса был построен в 1880–1881 гг. по проекту П.П. Дейнеки в стиле эклектика. Пятиэтажное здание бледно-кораллового цвета сразу привлекает внимание обилием лепных украшений и производит впечатление парадной торжественности. В центр внимания архитектор ставит два симметричных эркера. Их поддерживают одной рукой грозные бородатые атланты, одетые в шкуры диких животных. Кажется, они охраня-

ют особняк, провожая прохожих суровым, устрашающим взглядом. Изобилие декоративных деталей (львиные маски, кариатиды, путти, лепные драконы), на первый взгляд кажется нелепым, однако каждый лепной элемент является частью единой архитектурной композиции.

Вероятно, Цветаева во время своего приезда в Петербург зимой 1916 года навещала Анну Яковлевну, тем более два адреса – литературный салон Каннегисеров и дом С. Чацкиной и Я. Сакера, фигурирующие в очерке «Нездешний вечер», – находятся по соседству, на этом же Сапёрном переулке.

Цветаева знакомится с семьёй Эфронов в доме своего друга поэта М.А. Волошина в Коктебеле летом 1911 года. Однажды на пляже Цветаева сказала Волошину: «Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень». Так и случилось. Юный Сергей Эфрон в первый же день знакомства подарил ей гонуэзскую сердоликовую бусину, которую Цветаева носила потом с собой всю жизнь. Семья была связана искренней, нежной дружбой и заботой друг о друге. Цветаева всю жизнь восхищалась благородством своего мужа, сравнивала его с рыцарем, с бесстрашными офицерами 1812 года.

Цветаева говорила, что её приезд в Петербург зимой 1916 года был первым. Однако всё-таки таковым он явился для неё по значимости. Она бывала здесь прежде и именно в доме №13 по Сапёрному переулку. Марина Цветаева и Сергей Эфрон гостили у Трупчинских по делам Сергея в январе 1912 года. Вот как описывает она этот приезд 10 января 1912 года в письме к М.А. Волошину: «Сейчас я у Серёжиных родственников в Петербурге... Нютя – очень добрая, но ужасно много говорит о культуре и наслаждении быть студентом для Серёжи. Наслаждаться – университетом, когда есть Италия, Испания, море, весна, золотые поля...». Супруг Анны Яковлевны Александр Владимирович был потомственным дворянином, присяжным поверенным. Цветаевой были чужды сфера интересов и круг общения Анны (Нюти) Трупчинской: «Её интересует общество адвокатов, людей одной профессии... Уютная квартирка, муж адвокат, жена – жена адвоката, интересующаяся “новинками литературы”... О как это скучно, скучно! Дело с венчанием затягивается... Я крепко держусь за наше заграничное путешествие». Вначале Анна Яковлевна была против планов Сергея и Марины обвенчаться и жить в Москве, так как не одобряла раннюю – в 18 лет – женитьбу брата, еще не окончившего гимназию. Так Сергей Эфрон пишет

из Петербурга 7 сентября 1911 года своей второй сестре Елизавете Яковлевне: «Марина вероятно рассказала тебе о наших планах. Нютя стремится как нарочно к обратному. Настаивает и закликает меня жить в Петербурге». В письме Цветаевой к М.А. Волошину от 3 декабря 1911 года, написанном на обороте общей фотографической карточки М. Цветаевой и С. Эфрона, она пишет об Анне Яковлевне: «Его старшая сестра враждебно ко мне относится». Данная фотография с письмом хранятся в Пушкинском доме.

Венчание состоялось 27 января 1912 года в Москве в Палашевской церкви. 29 февраля новобрачные уехали в свадебное путешествие: Италия (Сицилия), Франция, Германия. В дальнейшем Марина Цветаева и Анна Трупчинская поддерживали дружеские взаимоотношения. Трупчинская была рада одновременному выходу первой книги Сергея Эфрона «Детство» и второго сборника Цветаевой «Волшебный фонарь» и очень тепло о них отзывалась. Книги были напечатаны «Товариществом Скоропечатни А.А. Левинсон», но на титульном листе было обозначено: «Книгоиздательство Оле-Лукойе», сказочное издательство, придуманное Сергеем и Мариной. В записной книжке Ариадны Эфрон 1955 года записан рассказ Трупчинской, вспоминающей о впечатлении, которое на неё произвели эти книги: «Через некоторое время выходят, смотрю, две книжки, Маринин “Вечерний Альбом” и Серёжино “Детство”. Мы с мужем читали всю ночь, и очень нам понравились и стихи и Серёжина книжка, хотя там совсем не похоже рассказывалось про нашу семью, всему был придан не то буржуазный, не то дворянский какой-то оттенок, которого в нашем доме не было». «Вечерний альбом» – первый сборник Марины Цветаевой – был издан на её собственные деньги в 1910 году, а сборник «Волшебный фонарь» и книга Сергея Эфрона «Детство» вышли одновременно – в 1912 году.

Точных данных о том, навещала ли Марина Цветаева Анну Трупчинскую в январе 1916 года, нет, это мы можем только предполагать. Дом был радушный, о чём говорит и то, что Анастасия Цветаева, сестра поэта, останавливалась на Сапёрном 13, о чём она пишет в своих мемуарах от 2 марта 1917: «... я поехала в Петроград – отдохнуть. Остановилась у старшей сестры Серёжи, Анны Яковлевны Трупчинской».

Значение поездки Марины Цветаевой в Петербург, безусловно, велико. Цветаева, повстречавшись лично с издателями «Северных записок», стала регулярно публиковаться, её твор-

чество стало доступно более широкому кругу ценителей поэзии. Выступив на литературном вечере в салоне Каннегисеров и получив одобрение и признание, Цветаева почувствовала себя уверенней, это придало ей дополнительный импульс в творчестве. Знакомство и увлечение О. Мандельштамом, соприкосновение с атмосферой поэтического Петербурга, где царили Ахматова и Блок, вылились впоследствии в прекрасные циклы стихов, им посвящённые. Определённое противопоставление Москвы и Петербурга, произошедшее на литературном вечере у Каннегисеров, также послужило рождению цикла стихов о Москве, который был напечатан в январе 1917 в «Северных записках» и с триумфом был принят в Петербурге.

Санкт-Петербург